

“ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ” СЛУЖЕБНАЯ МИНЕЯ.
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ

Витторио С. Томеллери

Предварительные заметки

В настоящей статье предпринимается скромная попытка вкратце очертить некоторые филологические и лингвистические аспекты работы над изданием служебной минеи, которое осуществляется уже несколько лет при участии международного коллектива, работающего в Комиссии по изучению и изданию трудов Отцов Церкви (Patristische Kommission – Arbeitsstelle Bonn) под руководством Ганза Роте и Дагмар Кристианс.¹

Материал подобран с учетом практической цели, преследуемой римским научно-образовательным семинаром. Некоторые упрощения, непростительные в научной работе, неизбежны; однако, они могут оказаться даже полезными в данном контексте. Точкой отсчета для изложения основных этапов становления критического текста, предназначенного для современного научного пользования, является церковнославянская служба св. евангелисту Марку, чья память праздновалась 25-го апреля, как явствует из надписания текста: *мѣрѣ тѣ въ · кѣ · сѣтѣ | мѣрѣ и* *евангелиста марка* (л. 203).² На данный момент этот текст, принадлежащий к гимнографическому ‘жанру’, изучается и подготавливается к наборному изданию по восточнославянским спискам XII и XIII веков. О дидак-

¹ Данная работа выполнена в рамках проекта RO 123/54-2 – “Philologischer, historischer und theologischer Kommentar zu Ausgaben der Gottesdienstmenäen”, финансируемого немецким научно-исследовательским обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft). Текст представляет собою переработанную и существенно дополненную версию доклада, прочитанного автором на *Вторых Римских Кирилло-Методиевских Чтениях* (Рим, 27 февраля - 3 марта 2012 г.), посвященных проблеме культурно-языковой ситуации в славянских землях XI-XIII веков.

² Здесь и в последующем цифры относятся к рукописи Синодального Соборания нр. 165, хранящейся в Московском Государственном Историческом Музее (о рукописной традиции см. ниже § 2.1.).

тической пользе такого выбора говорят разного рода принципы, которые можно условно назвать качественным и количественным.

Как известно, славянские гимнографические тексты тесно связаны с деятельностью солунских братьев Кирилла и Мефодия и их учеников;³ они составляют “древнейший пласт славянских переводных текстов, наряду с Евангелием, Апостолом, Октоихом и другими богослужебными памятниками”, причем “древнейшие списки миней принадлежат к восточнославянскому ареалу”.⁴ Кроме этого, гимнографическое наследие, представленное в большинстве случаев произведениями византийского происхождения, переведенными с греческого языка, занимает заметное место в славянской книжной традиции, иерархически находясь на втором месте после Евангелия, Апостола и Псалтири.⁵ Наконец, используемый здесь рукописный материал прекрасно вписывается в временные рамки, заданные главным организатором Вторых Римских Кирилло-Мефодиевских Чтений Натальей Николаевной Запольской.

Несмотря на его насущную важность, не будем здесь касаться вопроса о том, восходит ли обсуждаемый текст, прямо или косвенно, к деятельности славянских первоучителей и их учеников или является он переводом, выполненным уже на восточнославянской почве.⁶

³ М. Ф. Мурьянов, *Гимнография Киевской Руси*, Москва, Наука, 2003, С. 379.

⁴ Л. И. Щёголева, *Пуятинна минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, Москва, Территория, 2001, С. 9. Изучение этого достаточно спорного вопроса часто осложняется тем, что древнейшая южнославянская традиция сохранилась очень плохо (Р. Н. Кривко, *Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели*, в кн. *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010-2011*, Москва, Древлехранилище, 2011, С. 290-335, здесь С. 293); это обстоятельство делает восточнославянские гимнографические рукописи исключительно важными для реконструкции южнославянских оригиналов (М. Йовчева, *Гимнографическое наследие кирилло-мефодиевских учеников в русской книжности*, “Древняя Русь. Вопросы медиевистики”, 8 (2002) 2, С. 100-112).

⁵ Н. А. Нечунаева, *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*, Таллин, TRÜ Kirjastus, 2000, С. 10. Для библиографической справки о работах по славянской гимнографии с 1985 г. по 2004 см. Р. Н. Кривко, *Славянская гимнография IX-XII вв. в исследованиях и изданиях 1985-2004 гг.*, “Wiener Slavistisches Jahrbuch”, 50 (2004), С. 203-233.

⁶ Критический обзор мнений предлагают С. Ю. Темчин, *Этапы становления славянской гимнографии (863-около 1097 года). Часть первая*, “Славяноведение”, (2004) 2, С. 18-55; Он же, *Этапы становления славянской гимнографии (863-около 1097 года)*, в кн. *Славянский мир между Римом и Константинополем*, Москва, Индрик, 2004, С. 53-94; D. Christians, *Zur Genese des ostslavischen Gottesdienstmenäums*, in *Liturgische Hym-*

1. Предмет исследования

Как уже было сказано, речь пойдет о тексте, входящем в состав *Служебной минеи*. Последнее название происходит от греческого слова $\mu\eta\upsilon\alpha\iota\omicron\nu$, связанного с именем существительным $\mu\eta\upsilon$ ‘месяц’,⁷ и указывает на книгу для ежедневного употребления, содержащую церковные службы на каждый день месяца: “Содержательная единица годового цикла – ‘память’ одного дня, установленное Церковью действие поминания святого или достопамятного события”.⁸ Служебная минея противопоставляется праздничной минее, которая содержит “службы наиболее важных праздников”⁹ и четьей минее, в которой помещаются “тексты для чтения, также расположенные по месяцам и дням года и предназначенные преимущественно для внебогослужебного употребления”.¹⁰

*nen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung (Bonn, 7.-10. Juni 2005), herausgegeben von H. Rothe und D. Christians, Paderborn et alibi, Schönningh, 2007, S. 150-174; М. Йовчева, Возникновение славянских служебных миней: общие гипотезы и текстологические факты, “Scripta & e-scripta” 6 (2008), С. 195-232; А. А. Турилов, К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской традиции (на материале минейных служб), в кн. Он же, *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья*, Москва, Знак, 2010, С. 65-84; об истории греческого текста служебной минеи см. А. Ю. Никифорова, *Из истории Миней в Византии. Гимнографические памятники VIII-XI вв. из собрания монастыря св. Екатерины на Синае*, Москва, Издательство ПСТГУ, 2012. Только что вышла в свет монография, посвященная славянской служебной минее (М. Йовчева, *Старобългарският служебен миней*, София, Издателски център “Боян Пенев”, 2014), чьи положения не могли быть учтены при рассмотрении занимающего нас здесь конкретного вопроса.*

⁷ Н. А. Нечунаева, *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*, цит., С. 12-13.

⁸ Л. И. Щёголева, *Путьятина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, цит., С. 10.

⁹ Д. Л. Покровский, *Словарь церковных терминов*, Москва, РИПОЛ, 1995, С. 86.

¹⁰ В. М. Живов, *Святость. Краткий словарь агиографических терминов*, Москва, Гнозис, 1994, С. 44. О типологии миней см. А. И. Рогов, *Минеи (справка)*, в кн. *Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР*, вып. I, Москва, Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР, 1973, С. 297-305; Е. Гергова, *Славянските служебни минеи – методика на проучване*, в кн. *Медиевистични изследвания в памет на Пейо Димитров. IV младежна медиевистична конференция (Шумен, 1-3 декеври 1994 г.)*, отговорен редактор проф. др. Т. Тотев, Шумен, Университетско издателство “Епископ Константин Преславски”, 1996, С. 201-212.

Служба содержит тексты, предназначенные для певческого исполнения. Для ее обозначения употребляется литургический термин ‘последование’ или ‘восследование’ (гр. ἀκολουθία), т.е. совокупность богослужебных текстов, предписываемых церковным уставом на определенный праздник или память святого.¹¹ Наряду с канонем, составляющим ядро, т.е. композиционный центр церковной службы, в минее имеются и другие разновидности песнопений, такие как стихиры (στίχηρά),¹² седальны или кафизмата (κάθισμα),¹³ кондаки (гр. κοντάκιον)¹⁴ и икосы (гр. οἶκος).¹⁵

Память святого евангелиста Марка, занимающая лл. 203-210об основного списка (см. § 2.1.), состоит из следующих частей, каждая из которых, в виде кафизмы, контакия, икоса, стихиры, тропаря или богородична, выступает как отдельная текстовая единица наборного издания, обозначенная арабской цифрой (римская же указывает на день месяца):

(1) Состав службы св. евангелисту Марку

Кафизма, четвертый глас	нр. XXV/1
Кафизма, восьмой глас	нр. XXV/2
Контакион, второй глас	нр. XXV/3
Икос	нр. XXV/4
Стихиры, первый глас	нр. XXV/5-10

¹¹ Е. М. Верещагин, *Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник*. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием, Москва, Индрик, 2006, С. ix, прим. 4.

¹² Песнопение, тесно связанное с псалтирным текстом (Д. Л. Покровский, *Словарь церковных терминов*, цит., С. 146-147). Список музыкально-певческой терминологии, подробно описанной в статье М. А. Моминой, *Песнопения древних славяно-русских рукописей*, в кн. *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР*, вып. 2, ч. II, Москва, Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР, 1976, С. 448-482, дан в монографии Г. В. Алексеевой, *Византийско-русская певческая палеография*, Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2007, С. 347-363.

¹³ Термин *седален* дословно переводит греческое название κάθισμα, первоначально обозначавшее богослужебное деление псалтири. Слово κάθισμα связано с глаголом καθίζω ‘сидеть’, потому что во время его исполнения позволялось сидеть (Д. Л. Покровский, *Словарь церковных терминов*, цит., С. 68).

¹⁴ Кондак характеризуется более сложной метрической структурой, так как он состоит из вводной строфы, называемой *кукулион*, и 24 икосов (Г. В. Алексеева, *Византийско-русская певческая палеография*, цит., С. 354).

¹⁵ Это песнопение исполнялось после шестой песни канона.

Стихира самогласная, ¹⁶ восьмой глас	нр. XXV/11
Канон, первый глас	нр. XXV/12-43
песнь I (нр. XXV/12-15), песнь III (нр. XXV/16-19), песнь IV (нр. XXV/20-23), песнь V (нр. XXV/24-27), песнь VI (нр. XXV/28-31), песнь VII (нр. XXV/32-35), песнь VIII (нр. XXV/36-39), песнь IX (нр. XXV/40-43).	

Расположение частей каждой службы в изучаемых рукописях не соответствует “действительному употреблению: сначала полагаются седальны, потом уже стихиры, наконец каноны”.¹⁷ Богослужебный порядок нарушается в пользу пожанрового, согласно которому малые жанры предшествуют ядру последования, т.е. канону, который не прерывается “ни седальными после третьей ни кондаками и икосами после шестой песни”,¹⁸ тогда как в архаических экземплярах славянской минеи обнаруживается обратное расположение текстовых единиц.¹⁹ Такой порядок расположения текстового материала отводит центральное место канону, к которому примыкают другие малые песнопения.²⁰

1.1. Структура канона

Канон складывается из девяти песен; за редкими исключениями, в нем имеются восемь песен, так как вторая, из-за ее грустного содержания, обычно пропускалась;²¹ таким образом, в подавляющем большинстве

¹⁶ Термин *самогласен* (гр. *ιδιόμελον*) обозначает самый индивидуальный тип песнопения, который не служил моделью для исполнения других песнопений, см. М. А. Мошина, *Самоподобные песнопения (αὐτόμελα) в церковнославянских богослужебных рукописях*, в кн. *Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894-1987)*, сост. и отв. редактор В. М. Загребин, Санкт-Петербург, Алетей, 1998, С. 165-184.

¹⁷ А. В. Горский, К. И. Невоструев, *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, Отдел третий: *книги богослужебные*, часть вторая, Москва, Синодальная типография, 1917, С. 78.

¹⁸ И. В. Ягич, *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 гг.*, Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии Наук, 1886, С. lxxvii.

¹⁹ Р. Н. Кривко, *Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели*, цит., С. 303.

²⁰ Н. А. Нечунаева, *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*, цит., С. 53.

²¹ Мнение о том, что она исполнялась только во время великого поста (E. Wellesz, *A history of Byzantine music and hymnography*, Oxford, Clarendon Press, 1961, С. 198; Н. А. Нечунаева, *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*, цит., С. 53), не выдерживает критики (Р. Н. Кривко, *Синайско-славянские гимнографические параллели*,

случаев канон является восьмипесенным, причем пропуск второй песни отражается в нумерации, остающейся прежней.

Каждая песня имеет определенное количество строф, названных тропарями. Этим тропарям предшествует т. наз. ирмос (гр. εἰρμός), т. е. музыкально-ритмический образец, смысленно связывающий следующую за ним песнь с одной из библейских песен.²² Тропари повторяют заданную ирмосом мелодию; в греческом оригинале повторяется также количество и распределение ударных слогов; последний тропарь, *богородичен* (по гр. θεοτοκίον), обращен к Пресвятой Богородице и посвящен тайному воплощению Иисуса Христа (на полях обозначается буквой 'бука' с выносным 'он', Ѡ).

Канон подчиняется одному из восьми гласов византийской музыкальной системы, обозначенных в славянской традиции буквами кириллического алфавита под титлом в цифровом значении: а 'аз' = 1, в 'веде' = 2, г 'глагол' = 3, д 'добро' = 4, е 'есть' = 5, з 'зело' = 6, з 'земля' = 7, и 'иже' = 8, тогда как в греческой системе первые четыре тона были основными, или аутентичными, а следующие четыре, соответствующие славянским 5-8, считались производными от них, или плагальными,²³ и противопоставлялись первой четверке, совпадающей со славянской нумерацией.²⁴

1.2. Песни канона

Песни имели одинаковое содержание, но отличались по мелодии и ритму; они пелись по ирмосу, который указывал на библейские песни, приводившиеся в греческой и славянской традициях после Псалтири согласно устойчивой схеме:²⁵

“Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета”, серия III: Филология, 1 (2008) 11, С. 56-102, здесь 61; см. также Р. Н. Кривко, *К истории второй песни гимнографического канона: утраты и интерполяции*, в кн. *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina*. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag, herausgegeben von D. Christians, D. Stern und V. S. Tomelleri, München-Berlin, Sagner, 2009, С. 229-242.

²² Д. Л. Покровский, *Словарь церковных терминов*, цит., С. 61.

²³ М. Ф. Мурьянов, *Гимнография Киевской Руси*, цит., С. 423.

²⁴ Л. И. Щёголева, *Путьямина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, цит., С. 427.

²⁵ См. W. Weyh, *Die Akrostichis in der byzantinischen Kanonesdichtung*, “Byzantinische Zeitschrift” 17 (1908), С. 1-68, здесь С. 6; J. Mearns, *The canticles of the Christian Church*

(2) *Ветхо- и новозаветные песни*

- (1) Исход 15, 1-19
- (2) Второзаконие 32, 1-43
- (3) Первая книга царств 2, 1-10
- (4) Книга пророка Аввакума 3, 2-19
- (5) Книга пророка Исаии 26, 9-20
- (6) Книга пророка Ионы 2, 3-10
- (7) Книга пророка Даниила 3, 26-56
- (8) Книга пророка Даниила 3, 57-88
- (9) Евангелие от Луки 1, 46 и 1, 68.

Приведем начало нашего канона, дающее всю нужную исполнителю информацию, т.е. указание на то, что напев принадлежит к первому гласу, затем на номер песни и, наконец, на ирмос: $\text{Ю}^{\hat{а}} \text{ гл}^{\hat{а}} \cdot \bar{\alpha} \cdot \hat{\text{г}}\bar{\text{в}} \cdot \bar{\alpha} \cdot \text{ѿ}^{\hat{м}}$ твоя повѣ(дительная) (л. 205об).

Как и в греческих рукописях, ирмос обозначался только первыми двумя-тремя словами, последнее из которых выступало часто в отрывочном виде;²⁶ для полного текста ирмоса, при необходимости, книжники могли обращаться к соответствующему сборнику, называемому Ирмологием.²⁷ Песни канона пелись по ирмосу, тогда как роль ритмико-мелодической модели для стихир, седальнов и кондаков выполнял “самоподобен”; пение на подобен обычно обозначалось в надписании сокращением $\text{п}^{\hat{д}}$,²⁸ указывающим на то, что данное песнопение должно было исполняться подобно определенному образцу (подобнику), от которого приводилось зачало. В седальне на л. 203об читаем следующие

eastern and western in early and medieval times, Cambridge, University Press, 1914, С. 11-12; E. Koschmieder, *Die ältesten Novgoroder Hirmologion-Fragmente*, herausgegeben von E. Koschmieder, zweite Lieferung, München, Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1955, С. 4; Л. И. Щёголева, *Путьмина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, цит., С. 422-423.

²⁶ Л. Матейко, *Вопросы исследования древнейшей славянской гимнографии (Ирмосы: разночтения и история текста)*, в кн. *XIII. medzinárodný zjazd slavistov v Lubľane. Príspevky slovenských slavistov*, Bratislava, Slovenský komitét slavistov. Slavistický kabinet SAV, 2003, С. 21-48; Он же, *Ирмосы в славянских минеях XI-XIV вв.*, в кн. *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung* (Bonn, 7.-10. Juni 2005), herausgegeben von H. Rothe und D. Christians, Paderborn et al., Schönningh, 2007, С. 27-49.

²⁷ О возникновении и развитии этой книги см. недавно вышедшее издание Chr. Harnick, *Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar*, Freiburg i. Br., Weiher, 2006, S. 394-414.

²⁸ М. Ф. Мурьянов, *Гимнография Киевской Руси*, цит., С. 323, прим. 12.

слова: $\text{сѣ} \text{ гл} \cdot \text{д} \cdot \text{гн} \text{ ѡви са днѣ}$ (л. 203об), т.е. седален четвертого гласа, подобный тому седальну, который начинается со слов ѡви са днѣ . Образцовые песнопения объединялись в специальные подборки, носящие, в самой ранней форме, заголовок “Подобьницы”.²⁹ Система пения на подобен “имела не только мнемотехническое назначение, но и метафизический смысл: она вводила в музыку ту же связь подобия, какая существовала в иконописи между изображением и изображаемым, что занимало умы византийских философов эпохи иконоборчества. Само слово *подобие* и производное *преподобие* обусловлены этой идейной борьбой”.³⁰

1.3. Боннское издание

Издание служебной минеи, осуществляемое в Германии, продолжает, не только идейно, работу И.В. Ягича, издавшего к концу позапрошлого столетия минеи первых трех месяцев церковного календаря, который начинался первого сентября.³¹ В наборном издании славянский и греческий тексты даются в виде стиховых строк, определяющихся на основе музыкальной нотации, с учетом точки в средней части строки. Вертикальная черта обозначает конец строки в рукописи; греческие параллели, в которых орфография и знаки препинания воспроизводятся в унифицированном виде, согласно господствующей в классической филологии практике, печатаются сразу после славянского текста. Третьей частью каждой гимнографической единицы является перевод славянского песнопения на немецкий язык; в примечаниях приводятся и оговариваются отклонения от греческого печатного или рукописного источника.

Подача текста в форме реконструированных стихов позволяет, между прочим, заметить другой очень важный момент: в византийской традиции каждый стих обнаруживал определенное количество слогов и их постоянное распределение на ударные и безударные:

Эта ритмика называется антифонной силлабической: все тропари одной песни имеют одинаковый рисунок ударений и одинаковое количество слогов. В сла-

²⁹ Л. Ф. Морохова, *Подобьники как форма музыкально-теоретического руководства в древнерусском певческом искусстве*, в кн. *Источниковедение литературы Древней Руси*, Ленинград, Наука, 1980, С. 181-190, здесь 182.

³⁰ М. Ф. Мурьянов, *Из наблюдений над структурой служебных миней*, в кн. *Проблемы структурной лингвистики 1979*, Москва, Наука, 1981, С. 263-278, здесь 264.

³¹ И. В. Ягич, *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 гг.*, цит.

вянском переводе [...] ритмика греческого стиха не передается, заменяясь другими ритмическими средствами.³²

В славянском переводе признаки мерности греческого подлинника – изосиллабическая структура и гомотония, т.е. совпадение ударений³³ – в отличие от мелодии, нередко нарушались.³⁴ Пословная передача греческого текста, проводившаяся регулярно, хотя и не без исключений,³⁵ обуславливала отклонения от метрической структуры: “Греческий текст должен был получить адекватное выражение с точки зрения религиозного содержания, но греческие слова заключали в себе неодинаковое количество слогов сравнительно с соответствующими им русскими словами, а было очень важно сохранить неприкосновенными и сами напевы”.³⁶

При этом важно подчеркнуть функцию т.наз. *стопицы*, музыкального знака известного в греческой традиции под названием ‘исон’,³⁷ который обозначал повтор тона и характеризовал “высокий уровень речитативности распева”,³⁸ стопица, как правило, использовалась тогда, когда

³² Л. И. Щёголева, *Путьмина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, цит., С. 14.

³³ W. Weyh, *Die Akrostichis in der byzantinischen Kanonesdichtung*, цит., С. 7.

³⁴ М. Haas, *Byzantinische und slavische Notationen*, Köln, Volk, 1973, 2.103; С. Floros, *The origins of Russian music. Introduction to the Kondakarian notation*, Revised, translated and with a chapter on relationships between Latin, Byzantine and Slavonic church music by N. K. Moran, Frankfurt am Main et al., Lang, 2009, S. 55. Основываясь на двойном переводе Рождественского канона Иоанна Дамаскина, Д. Кристианс показала различное отношение учеников Кирилла и Мефодия к греческому тексту по сравнению с восточнославянскими книжниками: первые старались подражать музыкально-силлабической структуре греческого подлинника, обращая меньше внимания на содержание, вторые же переводили дословно, приспособлявая к нему византийскую мелодию (Д. Кристианс, *От подражания форме к дословному переводу: принципы параллельной адаптации мелодии и текста византийских песнопений в славянской традиции*, “Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета”, серия III: Филология 1 (2008) 11, С. 26-55).

³⁵ Р. Н. Кривко, *Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели*, цит., С. 296, прим. 11.

³⁶ М. В. Бражников, *Русская певческая палеография*, Санкт-Петербург, Российский институт истории искусств, 2002, С. 25-26; ср. также М. Ф. Мурьянов, *Из наблюдений над структурой служебных миней*, цит., С. 265.

³⁷ М. Haas, *Byzantinische und slavische Notationen*, цит., С. 2.102; С. Floros, *The origins of Russian music. Introduction to the Kondakarian notation*, цит., С. 152.

³⁸ Г. В. Алексеева, *Византийско-русская певческая палеография: практикум*, Владивосток, Дальнаука, 2005, С. 65.

в славянском тексте превышалось количество слогов греческого подлинника. Примером неполного соответствия между греческим и славянским текстами в количестве слогов и в месте ударения служит первый тропарь девятой песни:³⁹

(3) Несовпадение количества слогов (л. 201)

ꙗꙑъ · ѿ · ꙗꙑъ 2 образа ꙗꙑста(аго)	᾿Ωδὴ θ΄: Τύπον τῆς ἀγνῆς λοχείας σου
14 Дошъдъ исторъника неизглаго лана	9 Φθάσας τὴν πηγὴν τὴν ἄφθαστον
13 тризъльньѣна, богогласе, си янина	13 τῆς τρισηλίου, Θεοφάντορ, ἐλλάμψεως,
13 ꙗꙑстѣне наслаждаѣши са и ꙗꙑстѣне	14 καθάρωτερον κατατροφᾶς καὶ τρανότερον
12 обожениа паучеумьна аго	11 τῆς θεώσεως τῆς ὑπὲρ ἔννοιαν,
7 съ ангелы ликоруа	7 ἀγγέλοις συγχορευόν
9 непрестаньно, превлажене :—	10 ἀκαταπαύστως, ἱερώτατε.

2. Описание рукописного и печатного материала

2.1. Издание служебной минеи подлежит временному и пространственному ограничению, так как оно учитывает исключительно восточнославянские списки, не выходящие за заданные временные рамки, т.е. XII-й и XIII-й вв. В критическом аппарате они обозначаются с помощью следующих условных сокращений:⁴⁰

(4) *Использованные списки*

Москва, Государственный Исторический Музей, Синодальное собрание 165, *Служебная минея за апрель*, последняя четверть XII века⁴¹ [С]

Москва, Российский Государственный Архив Древних Актов 381/110, *Служебная минея (неполная)*, вторая или третья четверть XII века⁴² [Т]

Санкт-Петербург, Российская Национальная Библиотека, Софийское собрание 199, XII век⁴³ [Соф]

Москва, Государственный Исторический Музей, Синодальное собрание 895,

³⁹ Греческий текст воспроизводится по *Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ*, т. I-VI, ἐν Ῥώμῃ 1888-1901, здесь том IV, С. 391.

⁴⁰ D. Christians, H. Rothe, *Gottesdienstmenäum für den Monat April* (auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition, Teil 1: 1. bis 9. April, Paderborn et alibi, Schöningh, 2010, С. xxv-xxvii.

⁴¹ *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI-XIII вв.)*, Москва, Наука, 1984, нр. 87.

⁴² Там же, нр. 41.

⁴³ Там же, нр. 88.

*Праздничная минея на вторую половину церковного года (февраль-август), 1260 г.*⁴⁴ [Ма]

Текст канона св. евангелисту Марку издается по основному списку С, подробно описанному А. В. Горским и К. И. Невоструевым.⁴⁵ Эта рукопись входит в состав уникального комплекта служебных миней годового цикла с музыкальной нотацией, на которую положены все стихиры и тропари канонов, за исключением седальнов (кафизм), кондаков и икосов; речь идет о новгородских Софийских минеях, в настоящее время хранящихся в Московском Государственном Историческом Музее (Синодальное собрание № 159-168).⁴⁶ Из двенадцати миней сохранились десять, за месяцы сентябрь (2-16), октябрь (16-26), ноябрь (26-34), декабрь (34-42), январь (42-49), февраль (50-54), апрель (55-59), май (60-65), июнь (65-71), август (71-77); недостает только двух миней за месяцы март и июль.

Следовательно, среди рукописей апрельской минеи список С выделяется тем, что он является певческим, т.е. снабженным нотацией невменного типа. При создании певческой рукописи сначала был написан текст, а потом проставлены нотные знаки,⁴⁷ эти задачи выполнялись разными книжниками.⁴⁸ Система невмирования, относящаяся к центральному этапу (XII-XIII вв.) студийской певческой традиции,⁴⁹ силлабическая, так как над каждым слогом находится лишь одно знамя. Знаменная нотация, “каждый знак которой отражает не отдельный звук, а последовательность тонов, составляющих целостную интонацию”,⁵⁰ позволяет определить с довольно большой долей вероятности стихотворную структуру текста.

В связи с этим, одной из важных черт основного списка С, отличающей его от всех остальных, является полное отсутствие сокращений свя-

⁴⁴ Там же, нр. 176.

⁴⁵ А. В. Горский, К. И. Невоструев, *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, цит., С. 55-59.

⁴⁶ Там же, С. 2-77.

⁴⁷ М. В. Бражников, *Русская певческая палеография*, цит., С. 27.

⁴⁸ Е. М. Верещагин, *Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник*, цит., С. 425.

⁴⁹ Н. Заболотная, *Функциональные особенности богослужебных певческих книг эпохи Студийского устава*, в кн. *Церковное пение в историко-литургическом контексте: Восток-Русь-Запад*, сост. и отв. ред. И. Е. Лозовая, Москва, Прогресс-Традиция, 2003, С. 53-63, здесь 59.

⁵⁰ М. В. Бражников, *Русская певческая палеография*, цит., С. 17.

щенных и часто употребляемых слов.⁵¹ Это зависит, вне всякого сомнения, от певческого характера данной рукописи, в которой над каждым гласным были расположены музыкальные знаки: “[...] певческая рукопись по самому своему существу не может содержать каких-либо сокращений слов посредством титлов, выносных букв и т.д.”⁵²

Таким образом, в отличие от других списков, рукопись С верно сохраняет редуцированные гласные ер (ь) и ерь (ь) в слабой позиции и дает все слова в полном виде, за исключением ирмосов и других служебных указаний на способы исполнения гимнов. Сверхкраткие гласные долго сохранялись именно в богослужебных текстах из-за того, что, будучи тесно связаны с напевом, имели над собой знаменную нотацию и, следовательно, на восточнославянской почве произносились [o] и [e] соответственно.⁵³

2.2. Для необходимого сравнения с греческим текстом важным источником служит римское издание минеи, осуществленное в конце XIX века;⁵⁴ оно дополняется свидетельством ценной рукописной традиции, представленной в списках различного пространственного и временного происхождения, которые сегодня хранятся в разных российских и западноевропейских библиотеках, как Римская Ватиканская библиотека, монастырь Гроттаферрата, уже упомянутый Московский Государственный Исторический Музей, Парижская Национальная Библиотека, Синайский монастырь св. Екатерины и др.⁵⁵

Несколько изменяя практической, служебной функции основного списка С, мы будем здесь изучать исключительно проблемы, связанные с вопросом о взаимоотношениях между текстами и языками.

3. Текстологические и лингвистические проблемы

3.1. Прежде чем перейти к анализу особых случаев при переводе греческого текста на церковнославянский, нужна оговорка о том, что типология отклонений от греческого оригинала может иметь различные причины языкового и текстологического порядка:

За смысловыми отступлениями стоят разнородные явления; частью они восходят к разночтениям в греческих списках, частью выглядят как свободные смысло-

⁵¹ И. В. Ягич, *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь...*, цит., С. xliii.

⁵² М. В. Бражников, *Русская певческая палеография*, цит., С. 19.

⁵³ Там же, С. 47.

⁵⁴ Μηναία τοῦ βλου ἐνιαυτοῦ, цит. (сокр. MR).

⁵⁵ D. Christians, H. Rothe, *Gottesdienstmenäum für den Monat April*, цит., С. xxxiv-xxxv.

вые замены в процессе перевода, частью могут быть объяснены как переводческие ошибки или особенности, проистекающие из принципов древнего перевода.⁵⁶

К случаям переводческого характера, приведенным Щёголевой, можно прибавить еще текстологическая вариативность, возникающая при передаче текста уже на славянской почве, т.е. независимо от греческого текста. Общеизвестно, что в процессе бытования текста вольно или невольно происходят изменения и(ли) искажения: каждая копия отклоняется от своего оригинала.

Разница между переводом и копированием текста отражает два самостоятельных момента, т.е. возникновение текста при переводе (двухязыковой уровень) и его развитие в славянской традиции (моноязыковой этап); поэтому следует различать разночтения, вкрадывающиеся в текст в процессе переписывания и конкурирующие формы, обусловленные сознательным переводческим выбором.⁵⁷ Конечно, нельзя исключать возможность поздней редакторской правки при сверке славянского перевода с греческим текстом, отличным от того, который лежал в основе первоначального перевода, или даже случаи повторного перевода, более или менее зависящего от уже готового текста; некоторые чтения по списку Соф дают основания для последнего предположения.

3.2. Оценка разночтений

Сравнение разночтений дает исследователю важную информацию о верности списков, позволяя определить их взаимоотношения. Возьмем, например, следующее место, читающееся в седалище:

(5) *Лексическая вариативность* (л. 203об)
 црѣкы [...] οφϋενια ти λογ|γами просвѣщаючи са
 ή ἐκκλησία [...] τῶν διδαγμάτων σου βολαῖς φαιδρυνομένη
 Прим.: Соф var. → стрѣлами sicut gr.

⁵⁶ Л. И. Щёголева, *Путьмина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, цит., С. 386.

⁵⁷ D. Stern, *Variation in Mehrfachübersetzungen von Theotokia in altrussischen Gottesdienstmenäen*, in *Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik*. Beiträge zu einem Symposium in Münster 10./11. Mai 2001, herausgegeben von B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede, Hamburg, Kovač, 2002, С. 167-184, здесь С. 172.

Чтение, засвидетельствованное в Соф, подходит лексически к греческой форме; в словаре к декабрьской служебной минее лемма στῦβα соответствует греческому слову βέλος.⁵⁸ Существовало ли в греческом тексте метрически вполне возможное разночтение αὐγαῖς, стоящее ближе к славянской форме луг|чѣми, остается пока на уровне правдоподобного предположения; в таком случае, лексическая вариативность на славянской почве оказалась бы прямым отражением подобного же явления в греческой традиции. Оценка лексического разночтения затруднительна тем, что при ней нельзя опереться на грамматическую интерпретацию, тогда как гораздо легче разобрать смысловые или синтаксические ошибки, дающие более верную информацию о позиции, которую занимают списки в генеалогической стемме, как показывает первый тропарь первой песни:

(6) *Синтаксическая вариативность* (л. 205об–206)

Марка боговидьца хвала	Μάρκον τὸν θεόπτην εὐφημῶν
призыва ю благодать доуховьноую	ἐπικαλοῦμαι τὴν χάριν τοῦ Πνεύματος,
да въздъ хноувъши ми	ὅπως μοι ἐμπνεύσασα
просвѣщено про женеть неразумне	φωτιστικῶς ἀπελάσῃ τὴν ἄγνοϊαν,
и вожьствъ ноѣ богатство	καὶ τὸν θεῖον πλοῦτον
премудрьно да рочетъ	τὸν τῆς σοφίας δωρήσεται.

Прим.: егг. С → въздъ|хноувъшнюю, Т -шю, Ма -шоу, ем. Соф → въздъ|хноувъши sicut gr.

Подчеркнутая причастная форма греческого подлинника ἐμπνεύσα-σα, относящаяся к имени существительному женского рода χάρις, имеет окончание именительного падежа для согласования с подлежащим придаточного целевого предложения. Во всех славянских списках, кроме Соф, обнаруживается явная синтаксическая ошибка: причастие в винительном падеже женского рода подчиняется синтаксически предшествующему словосочетанию благодать доуховьноую; возможно, впрочем, интерпретировать въздъ|хноувъшнюю как дательный падеж мужского рода, согласованный с последующей краткой местоименной формой ми. Во всяком случае, поскольку трудно допустить, что эта синтаксическая ошибка, общая для списков С, Т и Ма, могла бы возникнуть отдельно и самостоятельно в каждом списке, мы имеем основания предполагать, что списки С, Т и Ма восходят к общему протографу или архетипу. Это

⁵⁸ *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember, slavisch-griechisch-deutsch, nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts, mit einem Glossar griechisch-slavisch*, bearbeitet von D. Christians, Wiesbaden, Westdeutscher Verlag, 2001, С. 194.

строгое утверждение, естественно, нуждается в других более весомых доказательствах.

Ниже приведенный пример, читаемый в богородичне восьмой песни, подкрепляет выдвинутую выше гипотезу, добавляя еще важную информацию о текстологической близости списков Т и Ма:

(7) *Искажение и поправка текста (209об–210)*

Ἡ Παρθένος τὸν Ἐμμανουὴλ βαστάζουσα ὡς βρέφος ἐπέστη τοῖς Αἰγυπτίοις

дѣвица еμмануила носати ѿ | ко младенца егуптаномъ

Разночтения: Соф наста егю | птанемъ sicut gr., Т на ѣуптанемъ, Ма на егуптаномъ

Аористную форму наста следует считать первичным чтением, соответствующим греческой глагольной форме ἐπέστη. В ходе переписывания текста она подверглась невольному сокращению, превратившись, вследствие этого механического искажения, на предлог на; таким образом, возникла неправильная предложная конструкция с дательным падежом егуптаномъ. Особого внимания заслуживает отсутствие излишнего предлога на в основном списке С; оно является скорее всего простым редакторским исправлением синтаксической путаницы со стороны переписчика, не справившегося с усеченной формой исходной лексемы, еще засвидетельствованной в списках Т и Ма. Подобный факт не только доказывает текстологическое сходство списков Т и Ма; он также указывает на то, что эти последние, вместе с основным списком С, восходят к общему антиграфу.

Приведем теперь образец церковнославянского текста первого тропаря третьей песни с критическим аппаратом, как он выглядит в наборном издании:

(8) *Образец воспроизведения славянского и греческого текстов (206–206об)*

пѣ · г · ѿм¹: единъ² съвѣды(и)³ · :—

(1) Т ѿ съставьноу⁴, христе⁵, премоудро | сть⁶ проповѣда

(2) лоучами⁷ твоими оза | римъ⁸

(3) всемоу⁹ миру авльша¹⁰ са, вла | дыко¹¹,

(4) и жизнь дароующа¹²

(5) и чловѣ | къ¹³ просвѣць¹⁴

(6) оугодьникъ¹⁵ твои¹⁶ ма | рко¹⁷ славыныи¹⁸ · :—

С 206^r 17-18, 206^v 1-5; Т 90^r 8-13; Соф 35^v 4-8; Ма 61^r 13-19 • 1: ТСоф ермо; 2: Т ед-, ТСоф -ныи; 3: em. Соф, rmp. С съвѣды, Т съв; 4: ТМа -ноу, Соф var. → съльнчноу; 5: ТМа х*е, Соф х̄е; 6: ТМа пръ-; 7: Ма -ми; 8: СТМа ег. оза | ривъ, Ма wz-, em. cf. Соф var. → озаримъ sicut gr.; 9: ТМа вс-; 10: ТМа егг. → авлаше, Соф var. → авльшоу sicut gr.; 11: МаСоф вл̄ко, Т влдо; 12: ТМа var. → да | юща, Соф var. → дароующоу sicut gr.; 13: ТМа

Соф ѡлѣкы; 14: Ма егг. проишь, Соф var. → προσεβταμοу sicut gr.; 15: Ма -дѣ-, Соф var. → слоужите|ль; 16: Соф var. → ти; 17: Т -рък-, Соф -къ; 18: Соф var. → ави са, млѣе.

Ωδη γ' · Ὁ μόνος εἰδώς

- (1) Σὲ τὴν ἐνυπόστατον, Χριστέ, σοφίαν ἀνεκήρυξε
- (2) μαρμαρυγαῖς ταῖς σαῖς ἀγαζόμενος
- (3) παντὶ τῷ κόσμῳ φανείσαν, Δέσποτα,
- (4) καὶ ζωὴν παρέχουσαν,
- (5) καὶ βροτοῦς φωτίζουσαν,
- (6) ὁ θεράπων σου Μάρκος, φιλόανθρωπε¹

MR IV 387; Sinait(icus) gr(aecus) 614, 82^v, Sinait(icus) gr(aecus) 623, 103^f; • 1: Sinait.gr. 614, Sinait.gr. 623 ὁ ἔνδοξος sicut sl.

Внимательный читатель, вероятно, отметил, что в тексте издания стоит причастие настоящего времени страдательного залога *οζαριμъ*, вполне соответствующее греческой форме *ἀγαζόμενος*, тогда как в трех списках С, Т и Ма обнаруживается причастие прошедшего времени действительного залога *οζαριвъ*; остаются, напротив, в тексте неправильные, с точки зрения греческого подлинника, причастные формы винительного-родительного падежа мужского рода, относящиеся к начальной местоименной форме *τα* (Христос); в греческом тексте, как впрочем и в Соф, они определяют имя существительное женского рода *σοφίαν* (премудрость).

Как мы видим, явные ошибки основного списка исправляются прямо в тексте, в данном случае по рукописи Соф, только тогда, когда благодаря такому вмешательству со стороны издателя общий смысл места становится понятным. Однако, это решение нередко является спорным, так как издательский принцип предусматривает по возможности верное отношение к основному списку; исправления оправдываются целью восстановления правильного и первоначального значения славянского текста, но только при условии явного искажения славянского текста в основном списке С.

В критическом аппарате к основному тексту даны все разночтения, включая орфографические отклонения и сокращенные формы. Таким образом, получается синоптический набор всех употребленных славянских списков;⁵⁹ пользователь, при желании, может читать один текст или фрагмент текста сразу по нескольким славянским и греческим спискам и в немецком переводе, здесь отсутствующем.

⁵⁹ Н. А. Нечунаева, *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*, цит., С. 24.

Издатель наборного текста для научных целей признается в частичной деформации первоначального практического назначения певческой рукописи, по которой пели и учились петь:

“Всякий язык состоит из слов, которые в богослужбных музыкальных памятниках действительно присутствуют, но для исследователя музыкальной рукописи являются предметом, хотя и большой, но все же второстепенной важности”.⁶⁰

На самом деле, “[...] назначение канона состоит не в прочтении про себя или даже только глазами (значит, без внутреннего проговаривания), а именно в исполнении за богослужением, т.е. в исполнении на всеуслышание”.⁶¹

Такое “насилие” над первоначальной функцией текста, при узкофилологическом и лингвистическом подходе,⁶² имеет, однако, свои положительные стороны. Полученный текст поддается удобному чтению со стороны современного исследователя, заинтересованного в изучении славянского текста и его отношения к греческому источнику. Нельзя, однако, пренебрегать тем обстоятельством, что список С предназначался именно для церковного распева; эту исполнительную цель может осуществить только сам оригинал. Именно поэтому, наряду с наборным воспроизведением текста апрельской минеи, будет также издаваться факсимильное издание рукописи.

Как мы уже заметили, в отдельных случаях основной список, в отличие от всех остальных, дает явно искаженный вариант, как в следующих примерах:

(9) Явные ошибки основного списка С

а) Второй тропарь шестой песни (л. 208об)

ἐκήρυξας, σοφέ, τὸν Δημιουργόν, Μάρκε, τῆς κτίσεως, τὸν εἰς ἡμῶν δόξαν πλακέντα φύσει τοῦ σώματος

проповѣдалъ ѱси, моудре | марче, съдѣтеля всен твари наше|моу словоу исплетена
нестъствъмъ | телесънымъ (С)

Разночтения: (Ма) на нашюу славоу, (Т) на нашу славоу, (Соф) на нашюу славоу

Пропуск повторяющегося слога на (гаплография) и нередкая путаница лексем *слава* и *слово* произвели неверное чтение в основном списке, которое легко поддается исправлению при помощи остальных списков

⁶⁰ М. В. Бражников, *Русская певческая палеография*, цит., С. 15.

⁶¹ Е. М. Верещагин, *Ильина книга*, цит., С. 422.

⁶² О необходимости изучения гимнографических переводов как произведений искусства см. М. Мулич, *К вопросу о художественном мастерстве в древнейших славянских переводах служебных миней*, в кн. *Симпозиум 1100-годиништина од смртта на Кирил Солунски* (23–25 мај 1969, Скопје – Штип), книга 2, Скопје, Македонска Академија на Науките и Уметностите, 1970, С. 239-256, здесь С. 239-240.

(на нашу славю) и путем сравнения славянского перевода с греческим текстом (εἰς ἡμῶν δόξαν).

б) Первый тропарь седьмой песни (л. 209)

Ταῖς θεϊκαῖς ἀστραταῖς πυρούμενος

божественными блистани свѣ | тѣмъ

Прим.: Т, Ма, Соф свѣтимъ

В примере 9б перед нами явный случай *lectio facillior*, когда обычное выражение заменяет более редкую форму: причастие настоящего времени страдательного залога свѣтимъ было ошибочно заменено в списке С на более обычную форму творительного падежа от чаще употребительного слова свѣтъ. Подобные индивидуальные чтения основного списка убедительно доказывают текстологическую независимость списков Т, Ма и Соф от С.

Об особой близости списков Т и Ма свидетельствует, между прочим, общая ошибка, засвидетельствованная в примере 10а. Следовательно, списки Т и Ма восходят, независимо друг от друга, к общему антиграфу, в котором произошла эта путаница. Прямая зависимость одного списка от другого исключается на основе разделительных ошибок, обнаруживаемых в примерах 10б и 10в.

В примере 10в, наконец, список Ма дает неверное чтение *оученикъ* вместо творительного падежа единственного числа, засвидетельствованного в списках С и Т (*оучениемъ*), в то время как в Соф сомнительная форма множественного числа *оучении | ми* стоит ближе к греческому подлиннику. Наряду с этим, в богородичном тропаре третьей песни по списку Ма выступает неявно ошибочная форма звательного падежа *дѣце* [10г], вызванная фонетико-орфографическим явлением цоканья (об этом см. ниже § 4.); это отклонение позволяет с некоторой долей вероятности исключить зависимость списка Т от Ма:

(10) Ошибки в списках Т и Ма

а) Третий тропарь первой песни (л. 206)

Ου πρεμοῦδραλο петра

Πέτρο τῷ σοφῷ

Прим.: Т, Ма егг. → престола.

б) Кафизма (л. 203об)

οὔчениα ти лоу | чами просвѣщаюци са

τῶν διδασκάλων σου βολαῖς φαίδруνομένη

Прим.: Т егг. → *оучителя тл.*

в) Третий тропарь пятой песни (л. 208)

тогоже оучениемъ благочѣсть | но просвѣщаемъ

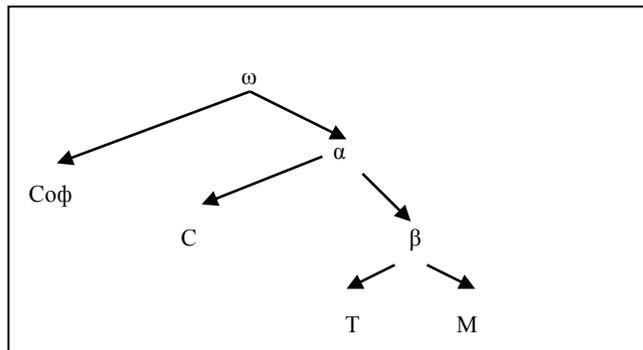
ταῖς τοῦτου διδασκαῖς εὐσεβῶς φωτιζόμενος

Прим.: Ма егг. → *оученикъ*, Соф *оучении | ми fortasse sicut gr.*

г) Богородичен третьей песни (л. 206об)
 ἐγγύπτα δρέβλε δὲβвицю на роукоу | носимъ
 Αἰγύπτου τὸ πρὶν παρθενικαῖς ἀγκάλαις ἐποχοῦμενος
 Прим.: Ма егг. → дѣвце

На основе выявленных разночтений получается следующая схема взаимоотношений списков, восходящих к несохранившемуся общему протографу ω:

(11) Stemma codicum

По сути дела, предлагаемая здесь схема взаимоотношений сохранившихся списков служебной минеи касается исключительно текста службы святому апостолу Марку; она никак не отражает историю возникновения и развития служебных комплектов, в которых помещен изучаемый здесь текст. Необходимо всегда учитывать сложный состав минейных текстов, которые в течение времени подвергались разного рода изменениям:

В качестве примера изменений содержания богослужебных книг, связанных с исторической действительностью, можно привести эволюцию состава Миней. Эти книги стоят ближе, чем Службники и Требники, к своим византийским оригиналам, но уже в самых ранних Минеях Софийской библиотеки есть тексты, которых не могло быть в последних: это ‘памяти’, отдельные песнопения и службы славянским святым и праздникам. Они были сопутствующим признаком такого важнейшего исторического процесса, каким была борьба за политическую и идеологическую независимость народов славянских стран.⁶³

⁶³ Н. Н. Розов, *Несколько слов о библиотеке Новгородского Софийского собора*, в кн. *Древнерусское искусство. Рукописная книга*, сборник третий, отв. ред. О. И. Подобедова, Москва, Наука, 1983, С. 248-251, здесь С. 248.

4. Фонетические особенности

Основной список С принадлежит к новгородской традиции. В нем отражается *цоканье*, то есть неразличение, на фонетическом уровне, палатальной [tʃ] и альвеолярной [ts] аффрикат, которое графически отражается в смешении букв *ч* и *ц*. Поскольку в данном случае книжная орфография опиралась на разговорное произношение, в котором вторая палатализация не происходила, были выявлены три правила для графической репрезентации одинаковых звуков.⁶⁴

(12) *Цоканье* (книжная орфография опирается на разговорное произношение)

Первое правило: Если в разговорном языке слышится [kʰ],⁶⁵ то в книжном пишется *ц*;

Второе правило: Если в разговорном языке слышится аффриката, а предыдущая буква не *ь* или *и*, в книжном письме пишется *ч*;

Третье правило: Если в разговорном языке слышится аффриката, а предшествующей буквой является *ь* или *и*, то в книжном письме *ч* пишется (а) в формах Voc. sg. существительных муж. рода, (б) перед суффиксами, начинающимися с *ь* или *и*, (в) в глагольных формах и отглагольных образованиях, (г) в притяжательных прилагательных; *ц* пишется в падежных формах существительных, кроме Voc. sg. существительных муж. рода.

В нашем тексте встречается большое количество примеров, в которых аффрикаты воспроизводятся правильно (13а), тогда как ошибок совсем мало (13б):

(13) *Цоканье*

а) Примеры правильного графического воспроизведения аффрикат
 скорописьца (XXV-3), бесконьчъна (XXV-3), чьтоуцма (XXV-3), марче (passim),
 нечьстивни чловѣци (XXV-7), лице (XXV-8), църкь|вьнына (XXV-8), оучении (XXV-8),
 извлече (XXV-9), мышьцею (XXV-9), тоу|члами (XXV-11), оцѣ|щение (XXV-11),
 боговидьца (XXV-12), на облацѣ (XXV-15, 23), дѣвигьстѣ (XXV-15), коньца (XXV-17),
 пророчаніе (С) vs. прорицаніе (Т), прорица|ніе (Соф) (XXV-17), коньць (XXV-20),
 чьстьно (XXV-21), сьльнца (XXV-24), исто|чьникъ (XXV-25), сьрдьца (XXV-25),
 оуча (XXV-25), боговидьче (XXV-26)

Количество ошибок совсем незначительно:

⁶⁴ В. М. Живов, *Еще раз о правописании ц и ч в древних новгородских рукописях*, в кн. Он же, *Восточнославянское правописание XI-XIII века*, Москва, Языки славянской культуры, 2006, С. 131-150, здесь С. 105-106 [первоначально опубликовано в "Russian Linguistics", 10 (1986), С. 291-306].

⁶⁵ Здесь исходит из отсутствия эффекта второй палатализации заднеязычных перед передними гласными.

б) *Ошибки*

С, Т, Ма вѣньцадемъ са (XXV-29), но Соф вѣньцдемъ са
 С въ кестство чловѣче, Т, Соф члѣче, Ма члѣце (XXV-36)

Наряду с этим, следует обратить внимание на один любопытный случай омонимии: притяжательное прилагательное, производное от имени существительного чловѣкъ с помощью образовательного суффикса *-jo-*, в именительном-винительном падеже единственного числа среднего рода полностью совпадает со звательным падежом того же имени и, следовательно, легко могло с ним смешиваться.

Следующий случай показывает нам подобную картину смешения букв ч и ц, но исключительно в списке Соф, в котором при употреблении притяжательного суффикса *-jo-* прилагательная форма фонетически (и графически) не отличалась от дательного падежа исходного имени существительного дѣвица:

(14) *Омонимия форм*

а) Богородичен четвертой песни (л. 207об)
 Νεφέλη ὁ λόγος παρθενικῆ ἐποχοῦμενος
 на облацѣ слово дѣвичьстѣ сѣда | и (С, Т, Ма)
 на облацѣ слово двѣи възлежа (Соф)

Иногда цоканье влияло на текстологическую вариативность, как в уже упомянутом выше богородичном тропаре третьей песни (см. выше пример 10г):

б) Богородичен третьей песни (л. 206об)
 Αἰγύπτου τὸ πρὶν παρθενικαῖς ἀγκάλας ἐποχοῦμενος
 егюпта древле дѣвицю на роукоу | носимъ (С)
 дѣцю на роукоу (Т)
 дѣце на роукоу (Ма)
 на дѣцю роукоу възлежа (Соф)

Предложная синтагма на дѣцю роукоу, в которой форма дѣцю должна интерпретироваться как притяжательное прилагательное от имени существительного дѣвица, т.е. дѣвичю, передавала греческий дательный падеж παρθενικαῖς ἀγκάλας. Вследствие графического смешения смысл текста усложнялся, так как дѣвицю можно было бы понять как винительный падеж; этим объясняется перестановка предлога и имени прилагательного в списках С, Т и Ма. Еще раз Соф, по сравнению с остальными списками, дает более верное чтение.

5. Морфологические особенности

Мы уже говорили о том, что отсутствие сокращенных форм в основном списке, обусловленное музыкальной нотацией, делает возможным со-

хранение редуцированных гласных в слабой позиции. Они в книжном произношении восточных Славян реализовывались как гласные *o* [ъ] и *e* [ь];⁶⁶ об этом прямо свидетельствует растяжное письмо в кондакарях, при котором отражалось реальное звучание слов.⁶⁷ Встречающиеся старославянские флексии творительного падежа единственного числа -омь, -емь часто подвергались правке, так как написание через еры (-ъмь, -ьмь) уже в XI веке стало орфографической нормой.⁶⁸ В примере (15), взятом из богородичного тропаря седьмой песни, орфографическая ошибка переписчика списка С (ъ вместо о в дательном падеже множественного числа, при одинаковом фонетическом воспроизведении [o]), привела к синтаксическому переосмыслению следующего прилагательного, превратившегося в форму творительного падежа *исаи|евъмь* *вм. исаневомъ*:

(15) *Творительный падеж имен сущ. мужского и среднего родов* (л. 209об)

ρήσεσιν ἐλόμενος τοῦ Ἰσαίου, πανεύφημε
глагольмъ въслѣдоуѣ · исаи|евъмь преславьне

Прим.: Т, Ма глѡмъ послѣдоуѣ исаневомъ, Соф глѡмъ провъздѣста исаневомъ

Итак, при лексическом разнообразии в передаче греческого глагола ἐλόμενος, форма дательного падежа множественного числа, синтаксически зависимая от причастной формы, была ошибочно написана через *ъ* на место *о*; нельзя исключить, что смешение на орфографическом уровне могло существенно повлиять на синтаксически неправильную форму творительного падежа единственного числа *исаи|евъмь*. К тому же, присутствие точки в середине строки, отделяющей определяющее

⁶⁶ E. Koschmieder, *Die ältesten Novgoroder Hirmologion-Fragmente*, цит., С. 6; Б. А. Успенский, *Русское книжное произношение XI-XIII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров)*, в кн. Он же, *Избранные труды*, том III: *Общее и славянское языкознание*, Москва, Гнозис, 1997, С. 143-208, здесь С. 145 [первоначально опубликовано в кн. *Актуальные проблемы славянского языкознания*, под ред. К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева, Москва, Издательство Московского университета, 1988, С. 99-156].

⁶⁷ Б. А. Успенский, *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, издание 3-е, исправленное и дополненное, Москва, Аспект пресс, 2002, С. 185.

⁶⁸ Б. А. Успенский, *Древнерусские кондакари как фонетический источник*, в кн. Он же, *Избранные труды*, том III, цит., С. 209-245, здесь С. 230 [первоначально опубликовано в кн. *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов* (Варшава, август 1973 г.). Доклады советской делегации, Москва, 1973, Наука, С. 314-346; перепечатано в кн. Б. А. Успенский (ред.), *Типографский устав. Устав с кондакарем конца XI-начала XII века*, том III: *Исследования*, Москва, Языки славянской культуры, 2006, С. 69-93].

исли|ѣвъмъ от его определяемого глаголъмъ, благоприятствовало возникновению синтаксической путаницы. С этим замечанием мы переходим к следующему пункту.

6. Синтаксические особенности

Уместно обратить внимание на присутствие в древнерусском (т.е. восточнославянском) языке т.наз. клитик. Клитики представляют собой, по общему определению, лексические или грамматические единицы, просодически или синтаксически примыкающие к другим словам, образуя вместе с ними одно фонологическое слово или тактовую группу. Тактовая группа, в свою очередь, это отдельная словоформа или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении; она может быть ортотонической, получая единое фонологическое ударение – одно на всю группу, или энклиноменной, т.е. фонологически безударной. Клитики противопоставляются акцентно самостоятельным словоформам: они объединяются в одну тактовую группу с предшествующей (энклитики) или последующей (проклитики) словоформой.

6.1. Древнерусские энклитики

В отличие от современного русского языка, в котором энклитики почти не сохранились, оставив лишь реликтовые следы,⁶⁹ в древнерусском они составляли живую категорию со строгими законами, определяющими их распределение и порядок в предложении. Как и в других представителях индоевропейской языковой семьи, энклитики подчинялись *закону Вакернагеля*, согласно которому они занимали второе место в предложении после ударного слова, к которому примыкали.⁷⁰

Входя в состав первой тактовой группы клаузы, выделенные курсивом энклитики образовывали конечную часть этой тактовой группы.⁷¹

(16) *Группы энклитик в древнерусском языке*

быдѣ бо ми мысль на пострижение
 ꙗже есмь Гюргѣ ис Киева выгналъ
 како же ми еси самъ реклъ

⁶⁹ S. Franks, T. H. King, *A handbook of Slavic clitics*, New York-Oxford, Oxford Univ. Press, 2000, С. 187-193.

⁷⁰ N. E. Collinge, *The laws of Indo-European*, Amsterdam-Philadelphia, Benjamins, 1985, С. 217-219.

⁷¹ А. А. Зализняк, *Древнерусские энклитики*, Москва, Языки славянских культур, 2008, С. 24 (отсюда взяты приведенные здесь примеры).

Закон Вакернагеля мог нарушать т.наз. принцип проективности, состоявший в том, чтобы никакая непосредственная составляющая (*immediate constituent*) предложения не была разорвана не относящимися к ней с синтаксической точки зрения словами.⁷²

(17) *Наблюдение или нарушение принципа проективности*

а) отступилъ ти са ѿсѣмь того села “я отступился в твою пользу от того села” (т.е. “уступил тебе его”)

б) того ти са ѿсѣмь села отступилъ

В примере 17б нарушается принцип проективности, потому что энклитик внедряется внутрь именной синтагмы *того села*, отделяя составляющие его части.⁷³ Это явление происходит, например, в современном сербском или хорватском языках, в которых клитики очень продуктивны.⁷⁴

(18) *Принцип проективности в сербском и хорватском языках*

а) taj *mi* je pesnik napisao knjigu vs. б) taj pesnik *mi* je napisao knjigu

Закон Вакернагеля строго соблюдался в восточнославянской живой речи и в книжном языке: в берестяных грамотах последствия закона отражаются практически безупречно, тогда как искусственная книжная норма допускала многочисленные отступления. Теперь возникает вопрос о том, каким образом можно применять закон Вакернагеля, регулирующий языковое поведение и порядок слов в предложении, для понимания и оценки изменений на уровне текста.

Возьмем второй тропарь четвертой песни, в котором текстологическая ошибка основного списка С является результатом множества факторов. Языковой факт, связанный с позицией клитик согласно закону Вакернагеля, можно считать то ли причиной, то ли следствием неверного чтения предполагаемой формы *вогосианъими*, передающей греческое имя прилагательное *θεολαμπεῖ*:

(19) *Многоступенчатая ошибка* (л. 207)

τῆς ἀληθείας φωτισμὸν εὐαγγελιζόμενος, θεολαμπεῖ φωτοχυσίᾳ πύρσοόμενος
истинь | нѣ просвѣщение · блговѣстоу | та во сианъими свѣтолитнемь | просвѣщенъ (С, Т, Ма)

исти | нѣ просвѣщение · бл*говѣстоуа бгосианъимъ свѣто | литнемь свѣтимъ (Соф)

⁷² Там же, С. 25.

⁷³ A. von Stechow, *Die Aufgaben der Syntax*, in *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*, herausgegeben von J. Jacobs et al., Halbband 1, Berlin-New York, de Gruyter, 1993, С. 1-88, здесь С. 54-55.

⁷⁴ G. Corbett, *Serbo-Croat*, in *The major languages of Eastern Europe*, edited by B. Comrie, London, Routledge, 1990, pp. 125-143, здесь С. 140.

Здесь необходимо сделать два предварительных замечания: во-первых, засвидетельствованное в списках С, Т и Ма чтение богослужениями, вероятно, можно оценить просто как искажение первоначального *бѣослужьмъ*, читающегося в списке Соф. Во-вторых, мы вполне имеем право утверждать, что основной список С, не содержащий, как мы уже говорили, сокращений, восходит, вместе со списками Т и Ма, к общему протографу, в котором, напротив, сокращенные слова присутствовали.⁷⁵ На правдоподобность этого предположения указывает именно неправильное раскрытие сложных слов с первым элементом *бѣо-* или *бѣго-*, которых часто путали (см. ниже § 7.);⁷⁶ это существенно затрудняет лексикологическую работу, как явствует из перечня дополнений и исправлений к словарю русского языка XI-XVII веков.⁷⁷

Кроме надстрочного невмирования, следует иметь в виду разделительное значение внутрискочных точек как не менее важный формальный критерий разбивки текста на колонны: “Строка совпадает с синтаксико-ритмическим членением и является ритмической единицей при музыкальном исполнении службы”.⁷⁸ Точка в середине строки обозначала конец строки, т.е. музыкальной единицы, не всегда совпадающей с законченным предложением на синтаксическом уровне. Есть основания предполагать, что форма *бѣослужьмъ* была ошибочно разделена на энклитическую частицу *во* плюс имя существительное среднего рода *служьми*; точка в середине строки, поставленная во всех списках после имени существительного *просвѣщениѣ*, содействовала этой неправильной сегментации слова, так как мнимая частица *во* должна была занять вторую позицию в “новом” предложении, отмеченном точкой.⁷⁹

⁷⁵ В. С. Томеллер, *О рукописной традиции восточнославянской декабрьской минеи*, в кн. *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung* (Bonn, 7.-10. Juni 2005), herausgegeben von H. Rothe und D. Christians, Paderborn et alibi, Schöningh, 2007, С. 116-134, здесь С. 125.

⁷⁶ О структуре и семантике славянских композитов с первым элементом *бѣо-* или *бѣго-* см. С. Никифорова, *Ранняя славянская терминология христианства: структура и семантика композита (на материале древнерусского и древнечешского языков)*, Brno, Masarykova univerzita Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, 2014, С. 44-77.

⁷⁷ М. И. Чернышева, *Предисловие*, в кн. *Словарь русского языка XI-XVII вв. Дополнения и исправления*, тетрадь первая (А-Б), автор-составитель М. И. Чернышева, Москва, Наука, 2006, С. 4-7, здесь С. 5-6.

⁷⁸ Л. И. Щёголева, *Путьмина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, цит., С. 16.

⁷⁹ Энклитическая частица *во*, которая полностью отсутствует в берестяных грамотах, встречалась “в древнерусских памятниках любого происхождения. Но в живой ре-

Ту же ошибку, по той же синтаксическо-музыкальной причине, обнаруживаем в третьем тропаре той же четвертой песни:

(20) *Неправильное восприятие сложного слова* (л. 207–207об)
 τὴν ὑπὲρ λόγον γὰρ ἡμῖν εὐηγγελίσω προφανῶς εἰρήνην, θεόληπτε
 па́че оума бо на́мъ · бо́гавъ || ствова ѡвѣ · миръ бо приа́тъне (С)
 па́че оума бо на́мъ · бо́гавъ | ствова ѡвѣ · миръ бо приа | тъ (Ма)
 па́че жма | бо на́мъ · бо́гавствова ѡвѣ · миръ бо | приа́тъне (Т)
 па́чеоумнъ бо на́мъ · | бѣ́говствова ѡвѣ · миръ бо́славыне (Соф)

Имя прилагательное *боприа́тъне*, в звательном падеже, переосмыслено в частицу *бо*, за которой следует уже не совсем понятная форма *приа́тъне*, подвергавшаяся разным изменениям. В Соф, напротив, имеется разночтение *бо́славыне*, в котором предполагаемый первоначальный элемент *бого-* выступает в сокращенном виде.

6.2. Миня и кондакаръ

Определенные сложности возникали в тех случаях, когда музыкальное движение мелодии сильно отличалось от синтаксической структуры текста. Как известно, гимнографические сочинения характеризуются тем, что одни и те же (переводные) тексты могут встречаться в разных сборниках особого назначения; они, таким образом, переходили из одного контекста в другой, в котором выполняли различные функции и, естественно, повторяли ошибки протографа, добавляя к ним свои собственные. Сравнение икоса по тексту служебной минеи с кондакарной версией позволяет сделать достаточно уверенный вывод о том, что здесь речь идет об одном и том же переводе греческого текста. Имеющие расхождения носят явно вторичный характер: перед нами стоит проблема взаимоотношения между текстом и мелодией в славянском переводе по сравнению со структурой в греческом оригинале.⁸⁰ Более глубокое изучение разночтений при учете мелодической сегментации, представленной, из-за отсутствия музыкальной нотации, лишь точками, выявляет более древний характер кондакарной версии текста. Возьмем для сравнения стихи 6-7,⁸¹ которые так звучат в славянском переводе:

чи она существовала, по-видимому, только в диалектах Юго-Западной Руси (причем здесь имелся также и союз *бо*, который был проклитикой)” (А. А. Зализняк, *Древнерусские энклитики*, цит., С. 31).

⁸⁰ F. Keller, *Die russisch-kirchenslavische Fassung des Weihnachtskontakions und seiner Prosoimoi*, Bern et al., Lang, 1977, С. 14.

⁸¹ Текст отсутствует в списках Ма и Соф.

- (21) *Кондак* (л. 204)
 (а) Служебная минея
 (б) на немъже и мене оутвьр | дивъ дѣю
 (7) направи стопы мога, |
 (8) да јако отъ вражни свѣти избавль | са

Они соответствуют четырем стихам греческого подлинника, которые верно передаются в кондакаре по т. наз. Типографскому Уставу.⁸²

- б) Греческий подлинник
 (б) ἐν ἧ κάμῃ
 (7) στερεώσας ψυχῆς μου κατεύθυνον
 (8) τὰ διαβήματα, ὅπως
 (9) τοῦ ἐχθροῦ τῶν παγίδων λυτρούμενον
 в) Типографский Устав (л. 65)
 (б) на немъже и мене
 (7) оутвь | рдивъ дѣю мою направи
 (8) стопы мо | га да јако
 (9) ѿ вражни свѣтии избавль са

Стихи 6 и 7 текстологически очень интересны, потому что синтаксические связи никоим образом не совпадают с музыкальной структурой, что, по сути дела, привело к различным ошибкам в славянской рукописной традиции. Ложное распределение текста в списках С и Т объясняется отсутствием последнего, одиннадцатого стиха, засвидетельствованного только в кондакаре: лѣ · Бжѣствъноѣ проповѣ | давъ еугелиѣ.⁸³ Это наглядно доказывает, что даже при чистом языковом анализе гимнографических текстов нельзя пренебрегать их певческим назначением.⁸⁴

Не менее важными, однако, являются отклонения на уровне текста. В обоих вариантах обнаруживается синтаксическая ошибка, которую можно связать с бытованием текста на (восточно)славянской территории:

⁸² Б. А. Успенский (ред.), *Типографский устав. Устав с кондакарем конца XI-начала XII века*, цит., том I: *Факсимильное воспроизведение*; том II: *Наборное воспроизведение рукописи*, С. 155; *Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar'*, tomus V: *Das Kirchenjahr 3: April bis August*, herausgegeben von A. Dostál und H. Rothe unter Mitarbeit von E. Trapp, Giessen, Böhlau, 1980, С. 14-15.

⁸³ В римском издании греческой минеи читается соответствующий славянскому переводу греческий текст: τὸ θεῖον κηρύξας εὐαγγέλιον (MR IV 389).

⁸⁴ Т. А. Сумникова, *К изучению древнейших служебных миней*, в кн. *Источники по истории русского языка XI-XVII веков*, В. Г. Демьянов, Н. И. Тарабасова (отв. ред.), Москва, Наука, 1991, С. 50-60, здесь С. 57.

(22) *Ошибка в передаче славянского текста*

дѣю мою направи стопгы мо | ѿ (Кондакаръ)
 дѣюю направи стопгы мога (Служебная минея)

С одной стороны, в Типографском Уставе винительный падеж дѣю мою, выполняющий функцию прямого дополнения к повелительной форме глагола, синтаксически не удовлетворителен, так как при таком управлении имя существительное стопгы мо | ѿ не имеет синтаксической связи ни с одним из других членов предложения; с другой стороны, непонятна роль творительного падежа дѣюю в тексте икоса по служебной минею. Не исключено, что переписчик неправильно относил ее к предшествующему причастию оутвьр | дивъ. Во всяком случае, исходя из греческого подлинника мы ожидали бы следующий перевод на церковнославянский: *на немъже и мене оутвьрдивъ, дѣа моюа направи стопгы. Может быть, переписчики, не поняв синтаксические связи, независимо друг от друга заменили первоначальную форму родительного падежа дѣа моюа на винительный (кондакаръ) или творительный (служебная минея). Возможна и другая интерпретация: сначала искажение первоначального переводного текста, например дѣа на дѣю, а потом дальнейшее развитие текста (дѣю на дѣюю). Кроме того, любопытен повтор притяжательного прилагательного в Типографском Уставе, который указывает на не совсем успешную попытку переписчика устранить свои сомнения и недоумения перед неудобопонятным ему текстом.

7. Лексические особенности

В этом разделе кратко остановимся на двух интересных явлениях, позволяющих рассмотреть различные последствия переводческой деятельности, с одной стороны, и процесса переписывания переводного текста, с другой. Как мы уже упоминали выше, неправильное раскрытие первого члена блго- в сложных словах встречается неоднократно. В уже упомянутом третьем тропаре четвертой песни читаем, например:

(23) *Направильное раскрытие сокращения* (л. 207–207об)
 τὴν ὑπὲρ λόγον γὰρ ἡμῖν εὐαγγελίσω προφανῶς εἰρήνην, θεόληπτε
 па́че оума во на́мъ · бо́гавъ | ствова ѿвѣ · миръ во приа́тъне (С)
 па́че оума во на́мъ · бо́гавъ | ствова ѿвѣ · миръ во приа́тъне (Ма)
 па́че ꙗ́ма | во на́мъ · бо́гавъствова авѣ · миръ во | приа́тъне (Т)
 па́чеоу́мынъ во на́мъ · | бл́говѣствова ѿвѣ · миръ бо́славыне (Соф)

Сложный глагол εὐαγγέλλω (εὐ - ‘хорошо’ + ἀγγέλλω - ‘вестковать’) передается в славянском языке калькой благовѣствовати, читаемой в Соф; в списках С, Т и Ма неверное раскрытие сокращения повлекло за собой

неправильную интерпретацию и, следовательно, передачу славянской глагольной формы (о звательной форме уже говорилось выше, см. 20-й пример).

В конце нашего сжатого изложения следует особо подчеркнуть постоянное сочетание определенных выражений. Лингвистическое понятие лексической коллокации может оказывать определяющую текстологическую услугу, ведь оно дает нам важную лексическую справку, как в случае устойчивого сочетания *взгъзвѣниа зрѣзрѣчъна*, читающегося в первом тропаре седьмой песни по Соф:

(24) *Устойчивые выражения* (л. 209)

ἀντανακλάσεις μυστικῶς ἀντιπέμλεις αὐγοειδεῖς (φωτοειδεῖς), Μάρκε παμμακάριστε
взгъзвѣниа тѣино сълѣши | свѣтообразно марче преподовѣне

Прим.: Соф зрѣзрѣчъна

В отличие от наречия *свѣтообразно* (С, Т и Ма), форма именительного падежа множественного числа *зрѣзрѣчъна* (Соф) совпадает с греческим подлинником не только грамматически, но и лексически. Подтверждение тому обнаруживается в Путятиной минее XI века:⁸⁵

(25) *Путятина минея*

лouchами ти оздримъ ·	ταῖς σοῖς ἀκτίσι ἀγαζόμενος
и въсѣмъ съльа взгъзвѣниа ·	καὶ πᾶσι πέμπτον ἀντανακλάσεις
зрѣзрѣчъна прѣ словъзи ·	αὐγοειδεῖς ὁ πανόλβιος (*αἰίδιμος)

Греческое соответствие, установленное по греческой рукописи монастыря св. Екатерины на Синае,⁸⁶ укрепляет предположение о распределении разных греческих разночтений и их отражении в славянском тексте. Следовательно, можно с уверенностью сделать вывод о том, что прилагательное *зрѣзрѣчъна* в Соф соответствует греческому прилагательному *αὐγοειδεῖς*, тогда как *свѣтообразно* напоминает метрически возможную греческую форму *φωτοειδεῖς*, которую еще предстоит отыскать в рукописной традиции. Создается впечатление, подтвержденное практикой перевода славянского текста на современный немецкий язык со стороны автора этих строк, что славянские переводчики в большинстве случаев руководствовались принципом выбора тех же выразительных средств для передачи одного и того же слова или словосочетания греческого подлинника.

⁸⁵ Л. И. Щёголева, *Путятина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1-10 мая*, цит., С. 3.

⁸⁶ Р. Н. Кривко, *Синайско-славянские гимнографические параллели*, цит., С. 98.

Выводы

Поддача выборочного материала ставила себе целью показать какие конкретные текстологические и лингвистические вопросы возникают при работе над изданием ценнейшего сокровища древнеславянской традиции, каким являются гимнографические тексты по восточнославянским спискам XII и XIII веков.

Возражение о том, что при изучении любого текста нельзя ограничиваться лишь подбором разночтений или их лингвистическим анализом вполне оправдано и корректно. Как замечает Верещагин, “[...] к гимнографическому тексту действительно нельзя подходить как к *обиходному*, ибо в нем аккумулируется и соответственно излагается или – чаще – аллюзируется обширное *богословское* содержание”⁸⁷.

Действительно, красота дома явно не лежит в его основе; однако, именно на основе кропотливой, фундаментальной (в этимологическом смысле слова) работы можно будет построить солидное и красивое здание, в достойном и полном виде передающее, на уровне акустического восприятия, богословскую глубину певческого искусства богослужения древнерусской церкви; именно строению текстовой структуры гимнов и были посвящены наши наблюдения.

⁸⁷ Е. М. Верещагин, *Ильина книга*, цит., С. 402; см. также М. Мулич, *К вопросу о художественном мастерстве в древнейших славянских переводах служебных миней*, цит., С. 240.